
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
ST. PETERSBURG BRANCH

KURDISH RESEARCH CENTRE

E. I. VASILYEVA

SHEREF-KHAN BIDLISI

Epoch

Life

Immortality

St. Petersburg
“Nauka”

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ЦЕНТР КУРДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. И. ВАСИЛЬЕВА

ЩАРАФ-ХАН БИДЛИСИ

Эпоха

Жизнь

Бессмертие

Санкт-Петербург
«Наука»

УДК 94(5)
ББК 63.3 (0 = Курд)
В19

Серия основана в 2003 году

Ответственный редактор
Ш. Мгюи

Васильева Е. И.
В19 **Шараф-хан Бидлиси. Эпоха. Жизнь. Бессмертие.** — СПб.:
«Наука», 2003. — 104 с.
ISBN 5-02-027098-9

Книга посвящена великому курдскому историку и мыслителю Шараф-хану ибн эмиру Шамсадину Бидлиси и его уникальному историческому труду. «Шараф-наме» — «Книга Шарафа» была названа «Историей курдской нации».

Рецензент
доктор филологических наук
З. А. Юсупова

ISBN 5-02-027098-9

© Е. И. Васильева, 2003
© Центр курдских исследований,
2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Ш. Мгюи)	7
Часть I. Земля курдская в эпоху Шараф-хана Бидлиси	15
1. Курдистан, столетия истории	17
2. Переломный шестнадцатый век — век Шараф-хана Бидлиси	25
Часть II. Страницы жизни или долгая дорога домой	35
1. Родовое гнездо — очаг предков Бидлис	37
2. Род и племя	40
3. Великий дед прославленного внука	50
4. Эмир Шамсадин, отец Шараф-хана Бидлиси	62
5. Шараф-хан ибн эмир Шамсадин ибн эмир Шараф	68
В Иране, на службе Сефевидам	68
Возвращение в Бидлис, в родовое гнездо	72
«Книга Шарафа» или «Книга славы» Курдистана	76
Часть III. Бессмертие Слова Шараф-хана Бидлиси	85
ИЛЛЮСТРАЦИИ	99
БИБЛИОГРАФИЯ	101

Воистину Курдистан обязан своей историей перу этого исполненного знаний и достоинств выдающегося человека своего столетия.

Мела Махмуд Баязиди

CONTENTS

FOREWORD (by <i>Sh. Mgoi</i>)	7
Part I. The Kurdish Land in the Epoch of Sheref-khan Bidlisi	15
1. Kurdistan: the preceding centuries	17
2. The turning point: 16-th century — century of Sheref-khan Bidlisi	25
Part II. The Episodes of Life or Long Way Home	35
1. Bidlis as the ancestors' home	37
2. The family and the tribe	40
3. The great grandfather of the famous grandson	50
4. Emir Shamsaddin, Father of Sheref-khan Bidlisi	62
5. Sheref-khan ibn Emir Shamsaddin ibn Emir Sheref	68
At the Sefevides service in Iran	68
Return to the ancestors' home	72
«The Book of Sheref» or «The Book of Glory» of Kurdistan	76
Part III. The Immortal Word of Sharaf-khan	85
ILLUSTRATIONS	99
BIBLIOGRAPHY	101

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великие имена Курдистана — обратимся к ним и некоторые из них возвратим курдам. Вспомним, что писал академик И. А. Орбели об истории курдского народа, «внесшего так много в культуру Востока. Этот народ растерял своих сынов под обличьем иранцев, турок, арабов, армян, растерял сынов, имена которых в качестве имен славных поэтов, музыкантов, полководцев украшают историю народов, много содействовавших сложению подхваченного европейской и русской наукой представления о курдах, как о народе, не только не способном к культурному творчеству, но даже и к восприятию чужой культуры» (Орбели 1938: 5).

У курдов непростая, в известной степени уникальная по трагизму и сложности историческая судьба. Один из древнейших народов мира с ярко выраженными национальными чертами, богатейшими традициями освободительной борьбы, он все еще лишен тех национальных прав, которые считаются неотъемлемыми атрибутами бытия любого этноса.

Уникальность курдской национальной проблемы определяют несколько факторов. Курды — один из немногих народов региона, которые в течение тысячелетий жили на своей исторической родине под этнически и географически однозначным названием. Курды побили рекорд в длительной и упорной борьбе за национальное освобождение. Это единственный в мире народ, насчитывающий более 30 миллионов человек, лишенный права на национальную независимость.

Конфронтация и борьба курдов с иностранным игом носит многогранный характер. Давно превратившись в предмет международного обсуждения, курдская проблема не ограничивается рамками одной борьбы за на-

циональное освобождение. Она нацелена на отстаивание основ курдской национальной идеи, возрождение исторической памяти курдов.

Чтобы придать своей антикурдской борьбе «законный» характер, апологеты политики стран, разделивших страну курдов, направляют свои усилия в глубины исторического прошлого. Их задача — отрицать или фальсифицировать факторы самоидентификации курдского народа, его право на самоопределение как отдельного этноса.

В такой ситуации все, что пишется и издается о курдах, приобретает актуальный характер. Актуальны и «политизированы» все участки курдоведения — не только вопросы курдской истории в прошлом и настоящем, но даже проблемы языка, литературы, этнографии в силу остроты курдской национальной проблемы. Они находятся в рамках борьбы между сторонниками исторической правды, подтверждающей правомерность курдской национальной идеи, конечная цель которой — национальное самоопределение, и теми кругами на Ближнем и Среднем Востоке, которые ее отрицают.

Подготовленная Е. И. Васильевой работа заслуживает внимания. Она посвящена одному из самых ярких представителей курдской культуры. Личность и наследие Шараф-хана Бидлиси представляют большой интерес для исследования исторического и этно-культурного развития курдского общества. Шараф-хан Бидлиси — один из крупнейших курдских политических деятелей, историк, неординарная личность. Его фундаментальный труд по истории курдов и сопредельных стран обладает, по единодушному мнению специалистов разных времен, целым рядом достоинств, которые по праву ставят его автора в ряд выдающихся деятелей исторической науки. Значимость труда Шараф-хана отражена в оценке крупного знатока истории Ближнего и Среднего Востока В. В. Вельяминова-Зернова еще в XIX веке: «Почти за триста лет на Востоке не появилось ничего, что могло бы сравниться с ним».

Шараф-хан Бидлиси оставил ценнейший труд, который уникален не только по охвату огромного исторического периода. «Шараф-наме» дает солидную базу для освещения целого ряда этнокультурных проблем, имеющих принципиальное значение для воссоздания процесса исторического развития курдов. Выявлению и определению источников, к которым обращался Шараф-хан Бидлиси, Е. И. Васильева уделила особое внимание во время работы над переводом «Шараф-наме» на русский язык (издан в двух томах в Москве в 1967 и 1976 гг.). В предисловии к изданию говорится об истории изучения «Шараф-наме», о переводах хроники, о ее ценности как исторического источника, о курдских эмиратах и их правителях, об эмирах Бидлиси. Бесспорна ценность комментариев и солидного комплекса научного аппарата, призванного обеспечить цельное представление о труде выдающегося историка средневековья.

Изучая наследие Шараф-хана Бидлиси и осуществив профессионально подготовленное издание двух томов «Шараф-наме» в переводе на русский язык, Е. И. Васильева прониклась глубоким уважением к этому выдающемуся историку-мыслителю. Автор этих строк горячо поддержал идею написать книгу о жизни и хронике Шараф-хана Бидлиси. Личность Шараф-хана и его труд дают основание для интересных размышлений об исторических судьбах курдов и Курдистана, о сложном процессе консолидации курдского общества, в особенности его важнейших компонентов — этно-культурного и внутринационального.

В книге представлена сложная картина условий и обстоятельств, при которых протекала жизнь и деятельность Шараф-хана Бидлиси. Казалось бы, у него было более чем достаточно возможностей для безоблачной и роскошной жизни. В действительности жизнь и деятельность Бидлиси осложнились рядом обстоятельств. Главное из них — старание находиться на плаву, «у дел» в процессе острой борьбы между враждебно относящимися к его народу двумя империями, не упуская при этом шанса и возможности сохранить связи как с той, так и с другой стороной.

Еще в период нахождения «у государственных дел» Шараф-хан был одержим идеей написать историю своего народа. Естественно, эта идея не могла возникнуть при наличии одного лишь желания взяться за такое дело. Шараф-хан был высокообразованным человеком, обладающим богатыми познаниями по истории как Курдистана, так и сопредельных стран. Этим обусловлена его уникальность в курдской историографии. Шараф-хан Бидлиси — не только хронист, описывающий исторические события, происходящие в Курдистане и вокруг него. Предметом его изысканий являлись ключевые факторы истории Курдистана: племенной состав курдов, религия, язык и его диалекты, география, вопросы демографии, преемственность династий и верность традициям, внутренние и внешнеполитические условия, определившие судьбу и положение курдов.

Общественно-политический портрет Шараф-хана, представленный Е. И. Васильевой, дает основание считать, что интерес историка к перечисленным выше вопросам был продиктован не одним желанием объективно представить факторы, лежащие в основе описываемых исторических процессов. При всей беспристрастности Шараф-хана как историка невозможно не заметить его преданность родному народу и стране, переживание за их судьбу, старание указать пути выхода. Шараф-хан с горечью констатирует, что одной из главных преград на пути развития Курдистана является отсутствие у курдских племен согласия и единства.

Для Шараф-хана Курдистан — единое этно-географическое пространство, которое волею судьбы оказалось разделенным между двумя империями. Он находился в центре противостояния Сефевидского Ирана и Османской Турции. Борьба курдов за избавление от иностранного гнета

осложнялась не только отсутствием среди них единства, но и рядом других факторов социально-экономического характера. Консолидация курдов и успешное ведение ими освободительной борьбы тормозил религиозный (исламский) фактор. Курды боролись против своих же единоверцев, что давало возможность правящим режимам посредством исламских догм, особенно «исламской уммы», воздействовать на умонастроения курдов, препятствовать их сплочению на основе национальных интересов. Исламский постулат, утверждающий приоритет религиозного (исламского) фактора перед национальным, часто и не без успеха использовался против развития процесса освободительной борьбы. Ислам с его корпоративными и регулятивными функциями почти безраздельно держал под контролем умонастроения курдских масс.

Несмотря на все это у курдов были шансы для противостояния державам-завоевателям. Речь идет об одной отличительной черте, характеризующей положение курдов и Курдистана. В отличие от ряда завоеванных стран и народов положение курдов не характеризовалось безоговорочной подчиненностью. Курдистан и курды были завоеваны, но не покорены полностью. Курдские полунезависимые княжества признавали власть то одного, то другого государства лишь номинально. Попытки османских султанов и сефевидских шахов полностью подчинить курдские княжества долгое время не приносили успеха. Ни османское, ни иранское правительства не признавали за курдами их права на независимое или полунезависимое положение. Но фактически курдские княжества лишь формально подчинялись Сефевидам и Османам. То, что государства-завоеватели давали курдским правителям так называемые дарственные грамоты и указы с утверждением в их правах, есть свидетельство того, что они были не в состоянии полностью подчинить курдов. Эти грамоты и указы были лишь формальностью, прикрывающей фактическое признание местных курдских эмиров. Забегая вперед, заметим, что османское правительство лишь в 40–60 гг. XIX века мечом и огнем подчинило полунезависимые курдские территории, что в исторической науке названо «повторным завоеванием Курдистана».

У Шараф-хана Бидлиси четкая логическая увязанность понятия «единое курдское этно-географическое пространство» с пониманием необходимости единства курдских княжеств, как важнейшего условия избавления от чужеземного давления и гнета. Есть все основания считать, что в мировоззрении у курдских «верхов» и интеллектуальной прослойки присутствовали зачатки национальной идеологии. Заметим, что в понятие «курдский народ», которому посвящен его исторический труд, Шараф-хан включает все разрозненные, говорящие на значительно различающихся диалектах курдские племена. Важно обратить внимание на то, что несмотря на религиозную черезполосицу (ислам с его двумя мазхабами — суннизмом и шиизмом,

али-иллахизм, какаизм, езидизм) и наличие разных диалектов для Шараф-хана Курдистан — не абстрактное пространство, а страна с одним этносом, которую (об этом с горечью писал автор) раздирали междоусобные войны, очень часто по принципу «разделяй и властвуй» подогреваемые странами-завоевателями. Эти государства использовали малейшую возможность для натравливания курдов друг против друга на религиозной почве. Султанский двор не упускал случая для расправы с курдами-езидами, не принявшими ислам. Нередко эта политика осуществлялась руками курдов-мусульман. В рамках этой коварной политики бывали моменты, когда ненавистные султанским властям многострадальные езиды использовались против курдов-мусульман. Так мусульманин-фанатик султан Сулейман для подавления сопротивления правителей Сорана передал грамоту на управление теми районами главе езидского племени дасни Хусейн-беку. Потерпев неудачу, по приказу султана Хусейн-бек был казнен.

Имеются свидетельства исторических источников: не сумев установить безраздельную власть над курдами, как Османы, так и Сефеvidы пользовались любым удобным случаем для истребления курдского населения.

Трагическая судьба курдов, кровавые расправы над ними не могли не повлиять на формирование мировоззрения и взглядов Шараф-хана. Его мысли, выводы и заключения, в той или иной степени затрагивающие эти вопросы, отмечены Е. И. Васильевой и служат основой для характеристики воззрений историка. Шараф-хан выступает против феодальной раздробленности и в качестве средства ее преодоления ратует за сильную монархическую власть, способную выполнить централизаторскую миссию. Вполне естественно встает принципиальный с точки зрения мировоззрения Бидлиси вопрос. Чьи интересы отстаивает Шараф-хан Бидлиси — Сефевидов, Османов или курдов (курдских княжеств)? По понятным причинам Шараф-хан не мог открыто высказать свою неприязнь и, тем более, враждебное отношение к османскому и сефевидскому дворам. Однако в тексте «Шараф-наме» мы находим недвусмысленный ответ на вопрос о том, чьи интересы отстаивал автор исторического труда, к кому были обращены его чаяния. Феодальная раздробленность и междоусобицы осуждаются автором не абстрактно и, тем более, не с позиции государств, разделивших Курдистан, а в контексте дум и размышлений о судьбе курдов и Курдистана.

Шараф-хан осуждал феодальную раздробленность в среде курдов. Антитурецкие и антииранские выступления курдских предводителей не только не осуждались им, а, наоборот, являлись предметом его гордости, ибо они подтверждали его убеждение: «курды угнетенный, но не покоренный народ». Шараф-хан с гордостью пишет о неограниченной власти и могуществе правителей Арделана, Хаккари, Бохтана, Бабана и других курдских княжеств. В полном соответствии со своей концепцией Шараф-хан подробно и с нескрываемой симпатией характеризует место и роль курдских

государственных формирований на примере династий Марванидов, Хасанвейхидов, Арделанов, Бадрханидов и др. Именно поэтому конфронтация и противоборство курдских княжеств с центральной властью вызывают симпатию Шараф-хана. Сепаратизм и междоусобицы в пределах самого Курдистана им осуждаются. Совершенно очевидно, что сильная монархическая власть является предметом мечты историка в контексте интересов Курдистана. Мысли и чаяния Шараф-хана отражены в его горестных раздумьях о том, что «у курдов нет единого всепризнанного правителя». Вследствие распрей курдские правители, борющиеся за объединение курдских земель, не уступают друг другу и сами становятся губителями этих идей.

Имеющие важное значение для характеристики общественно-политических воззрений Шараф-хана Бидлиси, эти моменты отмечены Е. И. Васильевой. «Возможно, — пишет она, — в этом нашла свое выражение его (Шараф-хана. — Ш. М.) тайная, нигде в „Шараф-наме“ прямо не высказанная мечта о создании курдского государства с сильным монархом во главе» (Шараф-наме 1976: 29).

Нельзя не отметить значительную роль исторического труда Шараф-хана в освещении важнейшего вопроса истории курдов, в средние века и последующие периоды, — вопроса о хозяйственном укладе жизни основной массы курдов и уровне общественно-культурного развития. К сожалению, социально-экономическая история курдских эмиратов недостаточно изучена. Однако, даже судя по материалам одного лишь «Шараф-наме», несомненно, что несмотря на неблагоприятные внутренние и, тем более, внешние факторы, в курдских княжествах имело место развитие производительных сил, поощрялось развитие культуры и науки. Так, согласно Шараф-хану, при дворе правителя Джебизе Бадр-хан-бека (правил до 1578 г.) собралось «такое количество ученых и просвещенных людей, какого в городе никогда не видели». В их числе названы Мавлана Мухаммад Баркалаи, Хасан Сурчи, Зейнадин Баби, Мавлана Саид Али и др. В то время в Бидлисе находилось много талантливых курдских ученых, выходцев из различных регионов Курдистана: Хизр Баби, Мухаммад Ширанши, Мухаммад Зраки и др. Этим, по словам Шараф-хана, превосходным знатокам логики, метафизики, стихосложения было поручено преподавание в бидлиссских медресе, «неизменно переполненных учащимися». Шараф-хан дает солидный материал и основание для опровержения представления, согласно которому для всего курдского населения и общества визитной карточкой был кочевой образ жизни с его низким уровнем культуры.

Шараф-хан оставил труд, который содержит богатейший материал и порождает интереснейшие идеи для целого ряда других проблем истории курдов и Курдистана.

Отрадно заметить, что берущий начало еще в начале XIX века интерес российских интеллектуальных кругов к курдоведческим проблемам ознаме-

новался изучением и изданием огромного количества первоклассных научных трудов, которые по праву обеспечили приоритетное место русскому востоковедению далеко за пределами России. Шараф-хан и его труд удостоены большого внимания как в западных странах, так и на Востоке.

Изучая труд Шараф-хана Бидлиси, его жизнь, эпоху, мы сделали еще один шаг к постижению его бессмертной книги, столь необходимой курдам сегодня. Объединение усилий специалистов-курдоведов поможет осветить неисследованные проблемы курдской истории, языка, этнографии и географии, вспомнить великие имена Курдистана.

Ш. Мзюи